

Преподобномученик Иннокентий (Мазурин)

1874–**13.11.1937**

... **С**тремясь обосновать, почему следует, несмотря на бездоказательность обвинений против священников и иеродиакона, их осудить, следователь написал: «Коллективизация по сельсовету проходила слабо и в обостренной обстановке в силу деятельности данной группировки. До ареста указанных лиц... в колхозе состояло 52 хозяйства, и только после ареста последних волна коллективизации приняла широкие размеры. Рост коллективизации увеличился на 100 %... Данный факт характеризует, насколько активно проходило антисоветское влияние на массы со стороны антисоветского элемента до его ареста».

**Архимандрит
Дамаскин
(Орловский),**
ответственный
секретарь
Церковно-
общественного
совета
при Патриархе
Московском
и всея Руси
по увековечению
памяти ново-
мучеников
и исповедников
Церкви Русской,
руководитель
фонда «Память
мучеников
и исповедников
Русской
Православной
Церкви», клирик
храма Покрова
Божией Матери
на Лыщиковой
горе (Москва),
www.fond.ru

* * *

Преподобномученик Иннокентий родился в 1874 году в селе Березки-Чечельницы Ольгопольского уезда Каменец-Подольской губернии в семье крестьянина Потапия Мазурина и в крещении был наречен Игнатием. Образование он получил в сельской школе. В 1896 году Игнатий поступил в Иосифо-Волоколамский монастырь в Клинском уезде Московской губернии и в 1906 году был определен в обитель послушником; с 19 февраля 1908 он проходил послушание в хлебной. 21 сентября 1911 года Игнатий был пострижен в монашество с именем Иннокентий и 2 декабря 1912 года рукоположен во иеродиакона; в дальнейшем он исполнял послушание на клиросе.

В Иосифо-Волоколамском монастыре иеродиакон Иннокентий служил до его закрытия в 1920 году, а затем в храме преподобного Серафима Саровского в селе Званово Волоколамского уезда. С 1924 по 1928 год он служил в Покровском храме в селе Тургиново в Тверской губернии, а с 1928 года — в Вознесенском храме в селе Теряева Слобода в Волоколамском районе.

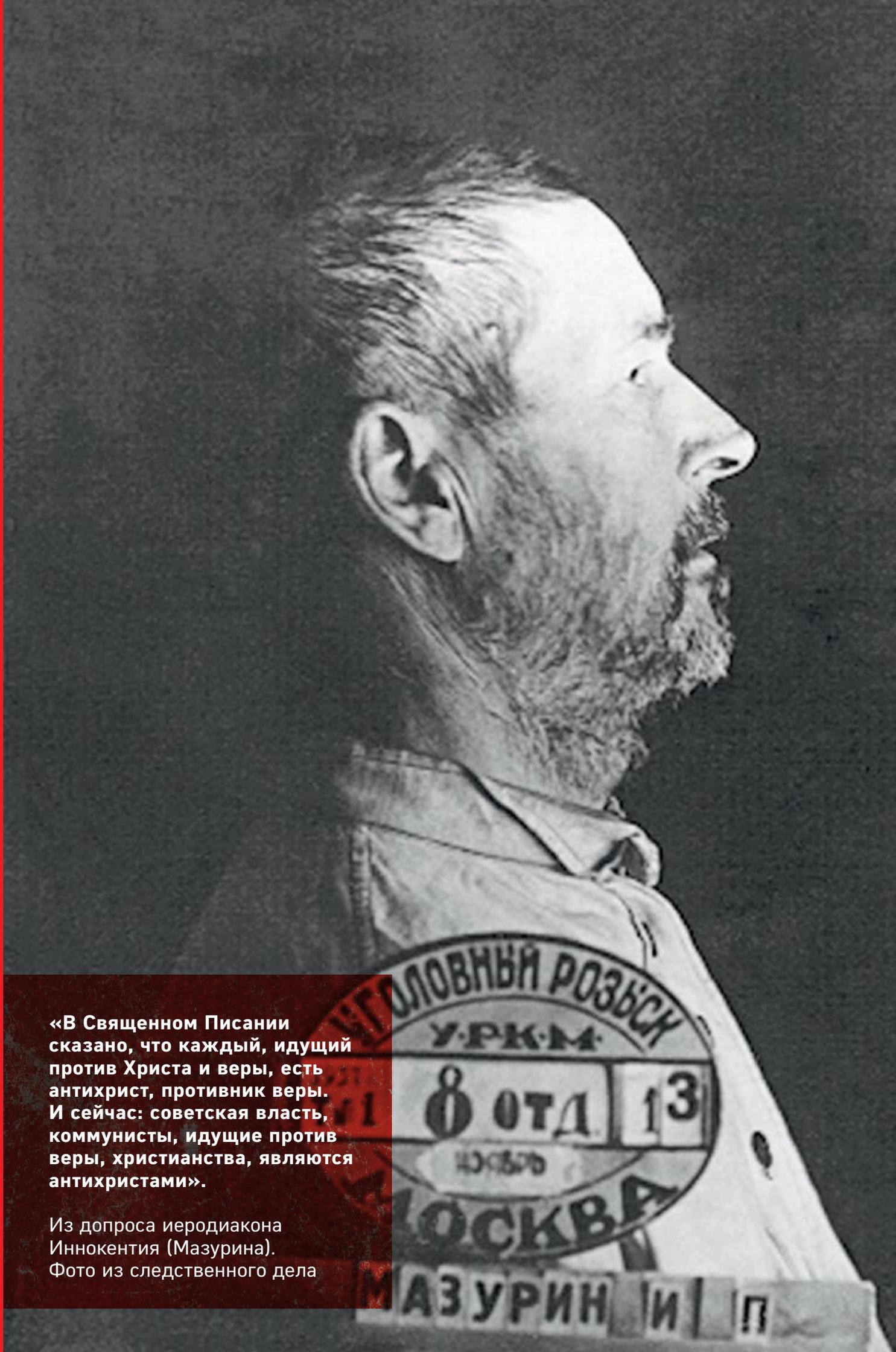
В ночь с 21 на 22 февраля 1931 года в селе случился пожар — загорелся колхозный са-

рай с сеном и помещение канцелярии колхоза. В тот же день местный милиционер послал телефонограмму начальнику милиции Волоколамского района. В ней сообщалось: «Пожаром уничтожены все дела в канцелярии и выгорела часть внутренности и потолков. Сарай уничтожен с сеном до основания... По делу задержано 13 человек». Среди задержанных по подозрению в поджоге были священники Вознесенского храма Алексей Львов, которому исполнилось в то время семьдесят два года, и Николай Стеблев, иеродиакон Иннокентий, псаломщик, церковный сторож и крестьяне. Во время отправки их в волоколамскую тюрьму их вышли провожать почти двести человек местных жителей, недовольных арестами и особенно тем, что храм остался без священников.

Руководство колхоза от лица колхозников потребовало от карательных органов «суровых мер наказания пытающимся сорвать социалистическое строительство». «В ответ на вылазки кулачества, — говорилось в постановлении собрания, — общее собрание членов колхоза еще усиленнее поведет борьбу с кулаком и чуждым элементом в деревне, еще более сплотит свои колхозные ряды, еще усиленнее поведет работу по коллективизации сельского хозяйства...»

В последующие дни в местной прессе была организована пропагандистская кампания и одна за другой стали печататься грозные статьи. «В ответ на вредительство подлого кулачьёго мы, члены Теряевского колхоза имени Сталина, заявляем, что кулачьёго сорвать темпов колхозного строительства не удастся, — было написано в одной из статей. — Общее собрание членов колхоза постановляет: в ответ на поджог усилить рост колхозов и новым приливом в колхозы на 50 % провести второй большевистский сев по-ударному.

Общее собрание просит революционный пролетарский суд жестоко наказать ви- ➤

«В Священном Писании сказано, что каждый, идущий против Христа и веры, есть антихрист, противник веры. И сейчас: советская власть, коммунисты, идущие против веры, христианства, являются антихристами».

Из допроса иеродиакона
Иннокентия (Мазурина).
Фото из следственного дела

новников поджога, организовав процесс в показательном порядке».

Зная о невинности в поджоге священников, иеродиакона и крестьян, сотрудники ОГПУ через месяц отпустили большую часть задержанных крестьян на свободу и стали допрашивать оставленных в тюрьме четырех обвиняемых, но уже не задавали им вопросов о поджоге, ставя им в вину якобы проводившуюся ими антисоветскую деятельность.

Священники и иеродиакон не скрывали своих взглядов на окружающее, но и не считали эти взгляды преступными. Отец Алексей Львов подтвердил, что действительно многие в последнее время отошли от Церкви. Единственным способом их просвещения, по его мнению, было совершаемое четко и вразумительно богослужение, а также проповеди, но многие отошли от Церкви лишь потому, что боялись потерять место работы.

Отец Николай Стеблев на вопрос, считает ли он неверующих людей антихристами, как говорят о нем свидетели, сказал, что антихристами он их не считает, а разве что идущими против Христа грешниками. Его спрашивали, что он думает о перспективности создаваемых колхозов. Он ответил, что для успешности сельского хозяйства нужны сильные, снабженные машинами хозяйства, а не собрание бедняков в один бедняцкий колхоз. Кроме того нужны хорошие руководители хозяйств, чего в настоящее время наблюдать не приходится.

Вызванный на допрос иеродиакон Иннокентий сказал, что он считает, что советская власть является гонителем духовенства, и духовенство призывает христиан страдать за Христа. «Я же, служа в Церкви, — сказал он, — конечно, поддерживаю во всем священство. В Священном Писании сказано, что каждый, идущий против Христа и веры, есть антихрист, противник веры. И сейчас: советская власть, коммунисты, идущие против веры, христианства, являются антихристами. <...> Я считаю, что колхоз Теряевский с плохим руководством существовать не может. И притом считаю, что крупные, крепкие отдельные машинно-обрабатывающие хозяйства дадут больше продукции государству, и они выгоднее, чем организованный из середняцко-бедняцкой прослойки колхоз».

Был допрошен трудолюбивый и весьма зажиточный когда-то крестьянин Иван Пузанов, работавший и сейчас очень успешно, но всех заработанных им средств хватало только на то, чтобы платить налоги. Отвечая на вопрос о том, каким образом следует устраивать в экономическом отношении успешное хозяйство, он не стал скрывать и того, что у него хорошие отношения со священниками и иеродиаконом, с которыми он часто встречается в храме.

Допрошенные следователем псаломщик, церковный сторож и некоторые из крестьян стали свидетелями и выступили на стороне обвинения.

Поскольку все арестованные никакого отношения к поджогу не имели, следствие передало их дело в ведение ОГПУ, которое предъявило им обвинение в антисоветской агитации, основывая его на показаниях псаломщика, церковного сторожа, председателя колхоза и одного из кол-

хозников, а дело о поджоге было забыто и осталось неизвестным, был ли причиной пожара поджог и кто в нем виновен. Теперь их обвиняли в том, что по их вине люди в колхоз не записывались, а те, кто записался, плохо работали.

28 июня 1931 года тройка ОГПУ приговорила священника Николая Стеблева и иеродиакона Иннокентия к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере, а семидесятидвухлетнего священника Алексея Львова к трем годам ссылки в Казахстан; крестьянин Иван Пузанов был приговорен к пяти годам ссылки в Казахстан.

Иеродиакон Иннокентий вернулся из заключения в 1934 году и, поселившись неподалеку от закрытого властями Иосифо-Волоколамского монастыря, где он подвизался двадцать четыре года, стал служить в Богоявленском храме в селе Буйгород.

Вторично иеродиакон Иннокентий был арестован 8 октября 1937 года и заключен сначала в волоколамскую тюрьму, а затем в Таганскую в Москве. В характеристике, выданной по требованию НКВД председателем сельсовета, было записано как преступление, что иеродиакон «среди населения устраивает сборы средств на ремонт церкви».

15 октября в половине десятого вечера сотрудник Волоколамского районного отдела УНКВД по Московской области стал допрашивать отца Иннокентия.

— Следствие располагает данными, что вы среди населения занимаетесь незаконными сборами средств. Следствие предлагает дать показания, — потребовал он.

— Средства с населения собирали, но это на ремонт церкви, по указанию священника Студеникина и моему, — ответил отец Иннокентий.

— Следствию известно, что вы собирали среди населения подписи о разрешении звона в колокола.

— Подписи среди населения не собирали.

— Следствие располагает данными, что вы среди колхозников занимались контрреволюционной и антисоветской агитацией. Следствие предлагает дать показания.

— Контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался.

— Вы показываете ложно, — заявил следователь, — по вашему делу допрошены свидетели, которые в категорической форме подтверждают вашу контрреволюционную и антисоветскую агитацию. Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Еще раз заявляю, что контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался, — ответил иеродиакон Иннокентий.

В половине двенадцатого ночи допрос был прерван и больше не возобновился. На следующий день начальник Волоколамского районного отдела УНКВД по Московской области подписал обвинительное заключение, и дело было передано на рассмотрение тройки.

11 ноября 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила отца Иннокентия к расстрелу. Иеродиакон Иннокентий (Мазурин) был расстрелян 13 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на Бутковском полигоне. ♣.